

ЦЕНА
15К.

ЖУТПЕЛЪ

1905

ЖУРНАЛЪ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ САТИРЫ

№ 1

Б. И. Анисфельдъ.

ХУДОЖЕСТВЕННО-
ИСТОРИЧЕСКИЙ КАБИНЕТ
Д. И. Котельникова
„ЛИКОБРАЗ“

1905 годъ.

Жупелъ—это сѣра. Обыкновенная желтая сѣра, известная, по всей вѣроятности, всѣмъ. Народъ говоритъ, что сѣра, въ боль- шомъ употребленіи въ аду. Изъ сѣры подземные духи пригото- вляютъ расплавленный полужидкій булвонъ, въ который и ввер- гаютъ грѣшниковъ за ихъ порочную жизнь. Такимъ образомъ, еще задолго до редакціи «Жупела», высшее судилище избрало жупелъ для очищенія грѣховъ. Завладѣвъ вѣсами Оемиды, мы «Жупеломъ» будемъ наказывать грѣшниковъ здѣсь же, не ожидая, пока под- земный жупелъ обожжетъ ихъ въ кромѣшномъ аду. Открывая сегодняшнимъ номеромъ свой независимый и несмѣняемый судъ, мы, сего числа и года, торжественно надѣваемъ на себя трибу- нальскую цѣпь. Мы будемъ справедливы, но злы, и наши чернила и краски пойдутъ на то, чтобы слово «жупелъ» стало страш- нымъ не только купчихамъ, живущимъ за Москвой-рѣкой.

Народъ говоритъ, что старыя пѣтухи лю- бятъ иной разъ пошутить. Сядетъ старый шутникъ на навозную кучу да и снесетъ яйцо.

Яйцо какъ яйцо,—только если на него уся- дется бездѣтная жаба, то изъ этой пѣтуши- ной шутки выходитъ совсѣмъ уже не смѣхъ.

Изъ яйца выходитъ ядовитый змѣенышъ съ коронкой на лбу—Василискъ.

Въ природѣ нѣтъ существа, которое было бы злое и отвратительнѣе этого маленькаго звѣрка.

Однимъ своимъ видомъ онъ убиваетъ людей и животныхъ; отъ его дѣханія отравляется воз- духъ, раскрескиваются скалы и сохнетъ трава.

Василиска нельзя убить ни ядомъ, ни стрѣ- лой, ни огнемъ, ни водой.

Но стоитъ ему только показать зеркало, и онъ погибнетъ отъ одного своего вида, отъ одного взгляда собственныхъ глазъ.

Передъ Василискомъ вдругъ блеснуло стекло. Зеркало поставила передъ нимъ безпощадная жизнь.

И блѣдный ужасъ отражается въ страшномъ стеклѣ.

Отравленный собственнымъ видомъ, онъ из- вивается, какъ ущемленный ужъ.

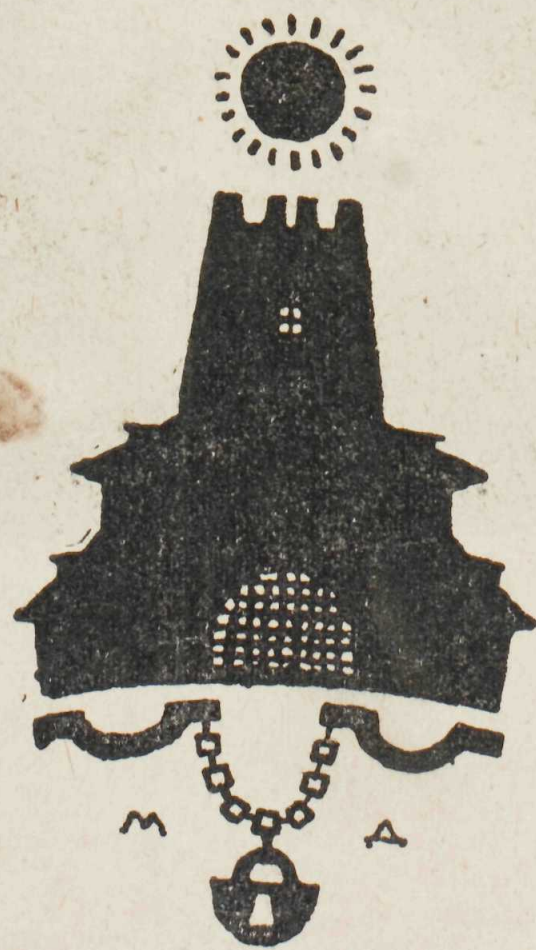
Боясь въ конвульсіяхъ смерти, онъ мечется и брызжетъ ядовитой слюной.

Его лапа бьетъ по стеклу...

Но зеркало поставлено жизнию. Оно поста- влено твердой рукой...

рис. М. Добчинскаго

С. Юрицынъ.

ОРМУЗДЪ.

Ни алтарей, ни истукановъ,
Ни темныхъ капищъ. Мѣръ огнемъ
Въ покровѣ мрака и тумановъ:
Боготворите только свѣтъ.

Владыка свѣта весѣ въ единомъ—
Въ борбѣ со тьмой. И потому
Огни зажгите по вершинамъ:
Возненавидѣте только тьму.

Ночь третью мѣра властно правитъ.
Но муррѣй жаждетъ вѣрнѣ дню:
Онъ въ мѣрѣ радостѣ солнца славитъ,
Онъ поклоняется огню

И, возложивъ костеръ на камень,
Всю жизнь свою приносимъ въ даръ
Тебѣ, неугасимый Пламень,
Тебѣ, всевидающей Датаръ!

Иванъ Бунинъ.

*Внизъ по матушкѣ-по-Волгѣ,
По широкому раздолью
Взбушевлася погода.
Разнеслася вѣсть святая,
Что возстала Русь родная,
Съ ней—Свобода.
Долго-долго въ злой неволи
Русь искала лучшей доли
Для народа.
За Свободу кровь струилась,
Все тяжель становилось
Годъ отъ года.
Погибалъ народъ бездольный,
Беззащитный, подневольный,
По темницамъ.
Голодалъ по бѣднымъ селамъ,
Изнывалъ подъ произволомъ
По столицамъ.
День насталъ, и Русь вздохнула,
Затряслась земля отъ гула,
Задрожала.
И распалися оковы,
И исчезли злыя совы,
Легче стало.
Такъ затынемъ пѣсню, братцы,
Какъ душили святотатцы
Русь родную,
Заклеймимъ мы ихъ проклятьемъ
И споемъ погибшимъ братьямъ
Пѣснь иную.
Слова витязямъ народа!
Вами добыта Свобода
Съ тяжелой болью.
Вамъ отъ насъ поклонъ глубокий—
Внизъ по Волгѣ, по широкой,
По раздолью.*

А. М. Оедоровъ.

МИДАСЪ.

Въ былыя времена наивны люди были,
Какъ дѣти малыя. Съ утра и до утра
Толпами цезарей привѣтствовать ходили
И преданно кричали имъ «ура».
Такъ было въ древности съ народными толпами
Въ Европѣ, въ Азїи, повсюду,—гдѣ въ тотъ разъ
Народомъ властвовалъ съ ослиными ушами
Неограниченный какой-нибудь Мидасъ.
Въ тѣ дни была невѣдома Свобода,
Еще не наступалъ вѣкъ вилъ и топора.
Среди голоднаго и нищаго народа
Была для цезарей счастливая пора.
Они вѣдь къ подданнымъ добры, Мидасы эти!
Съ народа нищаго снявъ тощую суму,
Даруютъ милостиво кнутъ, нагайку, плети,
Шпицрутены, оковы и тюрьму.
Судьба-насмѣшница,—коварная персона,—
Печальный имъ готовила удѣлъ:
Проказникъ Фигаро подъ золотой короной
Ихъ уши длинныя случайно подсмотрѣлъ.
И вотъ... прощай, наивная легенда!
Какой съ тѣхъ поръ себя ни окружалъ
Мидасъ разгнѣванный усиленной охраной,
Какимъ сатрапамъ власть ни поручалъ,
Какъ угрожающе ни шевелилъ ушами,—
Вдали, вблизи,—стоустою толпой
Народъ кричитъ упорно предъ дворцами:
— Долой, Мидасъ, долой!

С. Гусевъ-Оренбургскій.

ПРИТЧА О ЧОРТѢ.

Съ великолѣпною ироніей эстета,
Который тонко чтитъ изысканный свой даръ,
Ко мнѣ явился Чортъ, взявъ за руку Поэта,
И вотъ меня повелъ—куда бы?—на пожаръ.

Горѣлъ огромный домъ, пятиэтажный,
Стропила рушились сквозь дымы надо мной.
Пожарные, толпой картинной и отважной,
Спасали въ этажахъ людей и хламъ чужой.

И Чортъ промолвилъ мнѣ:—Не трогательно ль это?
Поджогъ, конечно, мой, и домъ я строилъ самъ.
Но сколько блесковъ здѣсь измѣнчиваго цвѣта,
Какъ дымъ молитвенно восходитъ къ Небесамъ!

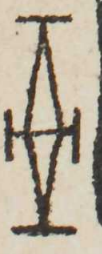
А тѣ мундирники—что дѣлали предъ этимъ?
Сидѣли въ кабацѣ и пили дрянь свою.
Теперь же сколько въ нихъ геройства мы замѣтимъ,
Въ самоотверженномъ служеньи бытію!

А вонъ цвѣтникъ тамъ вдовъ, въ нихъ чую благодарность:
Погибъ весь бѣль-этажъ, тамъ каждый мужъ былъ старъ
Но въ ночь да съ мѣрою мы вводимъ свѣтозарность.—
И Чортъ, схвативъ насосъ, сталъ заливать пожаръ.

К. Бальмонтъ.

М. Д. Сухомлинский

М. Д.

Октябрьская идилия.

В. А. Суровъ.

«Солдатушки, бравы ребятушки!
Гдѣ-же ваша слава?»

СКАЗКА О ХИТРОМЪ СЕРГѢѢ.

Не старинную былину,
 Не сердечную кручину—
 Сказку-складку вамъ, друзья,
 Захотѣль повѣдать я.
 Въ преогромномъ пѣкомъ царствѣ,
 Въ православномъ государствѣ
 Разъ, въ одинъ несчастный годъ,
 Бунтоваться сталъ народъ.
 Какъ и что—я, признаюся,
 Объяснить вамъ не беруся,
 Только малый и большой
 Стали всѣ кричать: «долой!»
 Тутъ начальство всполошилось,
 Испугалось, разсердилось,
 Стало думать да гадать,
 Какъ бы смуту ту унять.
 Долго думать не пришлось:
 Вѣдь давно ужъ повелось,
 Что начальство, гдѣ ни взять,
 Не привыкло размышлять.
 «Мы поставимъ имъ Митюху,
 «Пусть-ка хлещетъ всѣхъ по уху,
 «Всюду вводитъ тишь да гладь—
 «Живо бунту не бывать!
 «А чтобъ не было и шуму—
 «Государственную думу
 «Пусть Митюха заведетъ
 «И дурачить ей народъ!»
 Такъ рѣшили, положили,
 «Сообщенье» сочинили
 И, забравши кушъ большой,
 Побрели къ себѣ домой.
 Сталъ орудовать Митюха:
 Шибко дрался онъ по уху
 Да вдобавокъ—каждый разъ
 Влѣпитъ въ брюхо, либо въ глазъ.
 Донималъ онъ заточеньемъ
 И военнымъ положеньемъ,
 Билъ и плеткой, какъ умѣлъ,
 И патроновъ не жалѣлъ.
 Только какъ онъ ни старался,

Бунтъ нисколько не унялся:
 Росъ, какъ сказываютъ намъ,
 Не по днямъ, а по часамъ.
 Взбунтовались горы, доли,
 Города, дороги, селы—
 Проявился бунтъ вездѣ:
 На землѣ и на водѣ.
 Вотъ начальство стало снова
 Размышлять весьма толково,—
 Что имъ дѣлать, какъ имъ быть,
 Какъ крамолу погубить.
 «Семъ-ка, братцы, поскорѣе
 «Позовемъ къ себѣ Сергѣя!
 «Онъ и водкой торговалъ,
 «И японца падувалъ!»
 За Сергѣемъ тутъ послали,
 На совѣтъ его призвали,
 Поклонились до земли,
 Титуль «графа» поднесли.
 «Ахъ, Сергѣюшка родимый!
 «Ты штукарь незамѣнимый,
 «Ты надуешь хоть кого,
 «Даже чорта самого!
 «Видишь, въ смутѣ населенье,
 «Всюду стачка и волненье.
 «Хоть Митюха и палить,
 «Все жъ народъ «долой» кричить.
 «Съ думой—дѣло не спорится,
 «Хоть Митюха и храбрится,
 «Что шпионовъ онъ пошлетъ
 «Засѣдать въ ней за народъ,—
 «Но нельзя же, чтобъ шпионы
 «Диктовали намъ законы!
 Тутъ Сергѣй безъ словъ, но смѣло
 Разомъ принялся за дѣло—
 Настрочилъ въ одинъ присѣсть
 Небывалый манифестъ.
 Обѣщалъ странѣ свободу,
 Льготы всякія народу:
 Собираться, говорить
 И союзы заводить.
 — «Да вѣдь это, мнѣ сдается,
 «Кон-сти-ту-ці-ей зовется?!»—

Молвилъ черствый, какъ сухарь,
 Старый оберъ-пономарь.
 Но Сергѣй съ улыбкой льстивой
 И съ осанкой горделивой
 Отвѣчалъ: «Вамъ все, друзья,
 «Объясню сейчасъ же я:
 «Пусть Митюха остается.
 «Пусть по-прежнему дерется.
 «Пусть палить еще сильнѣй—
 «Все мнѣ на руку, ей-ей!
 «Я уступокъ не желаю,
 «Я вѣдь только *обѣщаю*.
 «А потомъ... Клянусь я вамъ,
 «Ничего я *имъ* не дамъ!»
 Тутъ начальство помолчало,
 Поглядѣло, повздыхало
 И, качая головой,
 Побрело къ себѣ домой.
 А Сергѣй съ улыбкой льстивой,
 Да съ осанкой горделивой
 Сталъ странною управлять
 И министровъ выбирать.
 А чтобъ впредь ужъ населенье
 Не впадало въ искушенье,
 Между прочимъ, онъ сказалъ,
 Что Митюха—либераль.
 Скоро сказка говорится—
 Дѣло мѣшкотно творится...
 И что сталося потомъ,
 Я не вѣдаю о томъ.
 Говорятъ, что и Сергѣю
 Хорошо наклали въ шею...
 Да зачѣмъ болтать про то,
 Что не вѣдаетъ никто!
 Какъ доподлинно узнаемъ,
 Да въ газетахъ прочитаемъ,
 Поживемъ да поглядимъ,—
 Хлѣба-соли поѣдимъ—
 Вотъ тогда ужъ нашу складку
 Мы, дастъ Богъ, закончимъ гладко,
 Скажемъ сказку до конца
 Про Сергѣя хитреца.

Бор. Тимофеевъ.

И Черновъ?

ІЕРЕИ И КОННОГВАРДЕЕЦЪ.

— Отецъ Владиміръ! не васъ ли это я видѣлъ у Фелисвѣна подъ-руку съ хорошенькой бабенкой?

— Не съ бабенкой, сынъ мой, но съ пречестною «магдалиной».

— Ну, все равно... Но не акафисты же вы служили съ ней въ отгѣльномъ кабинетѣ?

— Не кощунствуйте, капитанъ, вѣдь я не таюсъ: дѣйствительно, я имѣлъ пребываніе съ «Магдалиной» въ отгѣльномъ кабинетѣ, но не ради тѣлеснаго озлобленія, а единственно для испытанія ея, ибо за смертью ея превосходительства, пречистой и преблагословенной матери нашей Порфиріи, кронштадтскіе богомольцы осиротѣли...

— Такъ вы эту хорошенькую бабенку въ кронштадтскія богородицы прочтете? Недурно придумано! Надѣюсь, однако, она съ честью выдержала испытаніе?..

— О семъ іерею и говоримъ не приличествовало бы, но худого сказать не могу...

— Ха-ха! такъ что теперь у васъ будетъ молодая и хорошенькая «богородица»? Но знаете, батюшка, я того мнѣнія, что это въ концѣ концовъ несправедливо: отчего бы вамъ, духовнымъ лицамъ, не обращаться по дѣламъ «испытанія» къ конногвардейцамъ: ужъ мы бы вамъ такую «богородицу» приспособствовали, что и монахи въ нее увѣрвали бы... Вѣдь согласитесь, по части тѣлеснаго озлобленія мы все таки занимаемъ первое мѣсто?..

— О семъ умолчу, хотя и скорблю о вашей самонадѣянности...

А. С.

А-а, Соколы?

БѢДНЫЙ КОРОЛЬ.

(Сказочка для дѣтей).

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ иноземномъ государствѣ жилъ-былъ король, по номеру шестнадцатый. Плохо жилось подъ королевѣмъ народу иноземному и посылалъ онъ свои слезницы къ самому, къ шестнадцатому. Читалъ король эти слезницы, почитывалъ, а самъ все «нѣтъ» да «нѣтъ» головкой покачивалъ. И такъ много головкой онъ во всѣ стороны покачивалъ, что головка его и совсѣмъ отвалилася...

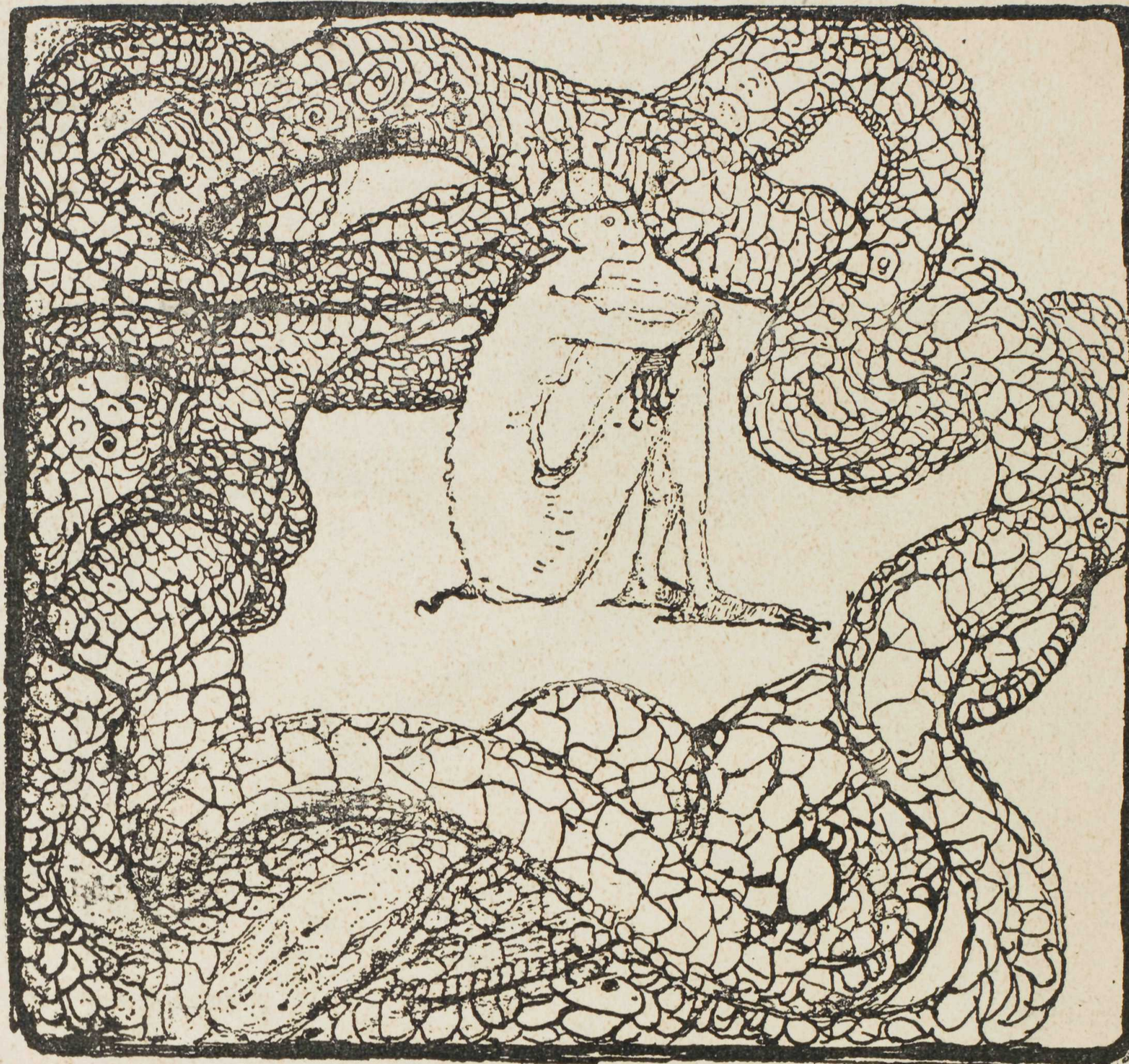
С. Ю.

С. Юризон

ШАЛОСТИ.

Какого направленія вашъ дѣдушка?
— Это типъ «время очаковскихъ и покоренія Крыма!»

А, значитъ—человѣкъ самый современный!

«УБРАТЬ ЭТУ СВИНЬЮ ВЪ 24 ЧАСА».

(Изъ архива прошлаго столѣтія).

На основаніи этой краткой, но выразительной Высочайшей помѣтки, одинъ изъ самодержавствующихъ агентовъ нѣнѣшняго правительства, о которомъ, впрочемъ, ничего кромѣ дурного сказать не рѣшаемся, былъ еще въ XIX вѣкѣ сданъ въ сенаторы за невинную въ сущности прогѣлку игриваго свойства, за которую въ доброе помѣщичье время двороваго человѣка сдали бы въ солдаты.

Правдивость этой пикантной исторической справки можетъ быть удостовѣрена, между прочимъ, и въ испанскомъ посольствѣ.

РАЗГОВОРЪ.

— Какого вы мнѣнія о министрѣ внутреннихъ дѣлъ—Дурново?

— Въ этомъ отношеніи я вполне солидаренъ съ Александромъ III.

ЗА ВЕЧЕРНИМЪ ЧАЕМЪ.

Гимназистикъ лѣтъ 12 читаетъ бабушкѣ газету. Взволнованная старушка съ скорбнымъ вздохомъ прерываетъ чтеніе.

— Боже милостивый! Сколько народу перерѣзано, сколько семей разорено, а домовъ-то разрушенныхъ и не счесть... И подумай, что все это дѣлается для спасенія одного только дома.

Гимназистикъ. А кто же хозяинъ этого дома, бабушка?

Бабушка (спохватившись). Молодъ ты,—такіе вопросы задавай. Лучше займись уроками. Придется бросить чтеніе газетъ.

Гимназистикъ (не унимаясь). А романовъ, бабуся?

Деревня. Въ деревню вѣзжаетъ генералъ, за нимъ казаки и пулеметы. Вдали стоятъ два мужика и ведутъ разговоръ.

Первый. Мишюха, гляди-ка, генералъ съ пулеметами.

Второй. Въ самъ-дѣлѣ. А говорили, что всѣхъ генераловъ съ пулеметами японцы забралъ.

Первый. — А это должно быть, былъ убѣжамши.

— Чего добраго, можетъ-быть маленькій румянецъ меня сдѣлаетъ болѣе популярнымъ, сказалъ ракъ передъ тѣмъ, какъ его опустили въ кипятокъ.

ИЗЪ АРХИВА.

Исполнительный Комитетъ извѣщаетъ, что *Петръ Ивановичъ Рачковскій*, (бывшій судебный слѣдователь въ Пинегѣ и въ настоящее время прикомандированный къ министерству юстиціи, сотрудникъ газетъ «Новости» и «Русскій Еврей») состоитъ на жалованьи въ III Отгѣленіи. Его примѣты: ростъ высокій, тѣлосложеніе довольно плотное, волосы и глаза черные, кожа на лицѣ блѣлая съ румянцемъ, черты крупныя, носъ довольно толстый и длинный; на видъ лѣтъ 28—29. Усы густые, черные. Бороду и баки въ настоящее время бреемъ. Исполнительный Комитетъ проситъ остерегаться шпиона.

Исполнительный Комитетъ, 20 авг. 1879 г.

В. М. Мисерлов

ОРЕЛЬ-ОБОРОТЕНЬ

ИЛИ

ПОЛИТИКА ВНЕШНЯЯ И ВНУТРЕННЯЯ

З. И. Гржебинь.

ХУДОЖЕСТВЕННО-
ИСТОРИЧЕСКИЙ КАБИНЕТ
Д. И. Котельникова
„ДИКОБРАЗ“

УР 24 V 1 1905